

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

**Александр
Галин**

Восточная
трибуна

Александр Галин
Восточная трибуна

«ФТМ»

1981

Галин А. М.

Восточная трибуна / А. М. Галин — «ФТМ», 1981 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

«Развалины стадиона заросли диким бурьяном. Среди вздыбленных досок и щебня несколько чудом сохранившихся рядов восточной трибуны. Внизу свалены в кучу развороченные глыбы постаментов с остатками спортивных скульптур, только одна поставлена прямо – гимнастка, с отбитой головой. На футбольном поле, в сухом безветрии, стоят могучие лопухи. За высокой стеной с треснувшими гипсовыми чашами угадывается неторопливая жизнь провинциального города в разгар жаркого летнего дня. Два молодых человека с дорожными сумками в руках проникли на территорию заброшенного стадиона и по полю направились к восточной трибуне...»

© Галин А. М., 1981

© ФТМ, 1981

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Галин
Восточная трибуна
Комедия в двух действиях

Действующие лица

Вадим Коняев,
Олег Потехин,
Шура Подрезова,
Вера Семенихина,
Наташа Самохвалова,
Мадлен,
Мила Клёнышева.

Действие первое

Развалины стадиона заросли диким бурьяном. Среди вздыбленных досок и щебня несколько чудом сохранившихся рядов восточной трибуны. Внизу свалены в кучу развороченные глыбы постаментов с остатками спортивных скульптур, только одна поставлена прямо – гимнастка, с отбитой головой. На футбольном поле, в сухом безветрии, стоят могучие лопухи. За высокой стеной с треснувшими гипсовыми чашиами угадывается неторопливая жизнь провинциального города в разгар жаркого летнего дня. Два молодых человека с дорожными сумками в руках проникли на территорию заброшенного стадиона и по полю направились к восточной трибуне.

Коняев. Кто тебя просил с ним связываться?

Потехин. Во-первых, он грубил, а я этого не люблю. Стоит будка с каленой рожей и собирает милостыню. Сколько он у тебя попросил?

Коняев. Двадцать копеек.

Потехин. Ты дал?

Коняев. Дал.

Потехин. Вот видишь! У меня он уже потребовал рубль.

Коняев. Зачем ты позвал милицию?

Потехин. Как он тебя величал?

Коняев. Ну и что!

Потехин. Козлота... *(Смеется.)* Не козел даже, а ко-зло-та!

Коняев. Он ко всем так обращается, это Паша Хромцов.

Потехин. Он что, лауреат Нобелевской премии? Кто он такой?

Коняев. Никто... Бывший футболист. Здесь его каждый знает. Лет двадцать назад девушки ходили за ним толпами.

Потехин. Сильно они его ухаживали! Ничего, ребята там ему уже задали встречный вопрос: «Кто козлота?» – на что Паша скромно отвечает: «Я».

Располагаются на восточной трибуне.

На чем он нас прервал? *(Пауза.)* Да! Мы выявляли степень родства. Ты – муж моей сестры, значит, я тебе кто? Двоюродный брат?

Коняев. Ты мне шурин.

Потехин. А ты мне тоже шурин?

Коняев. Я – свояк.

Потехин. Ну это грубо... свояк! Лучше я буду называть тебя шурин. Свояк... Что-то в этом блатное. Шурин тебе больше подходит. Шу-рин. Вадим Николаевич Шурин.

Коняев. Хватит, помолчи.

Молчание.

Потехин. Куда это мы пришли?

Коняев. Когда-то здесь был стадион...

Молчание. Смотрят по сторонам: Потехин отчужденно, Коняев – с заметным волнением.

Потехин. Сегодня воскресенье, шурин?

Коняев. Воскресенье.

Потехин. Вчера была суббота. Как же я мог забыть!

Коняев. Что?

Потехин. Памятная дата... Отец помер вчера пять лет назад.

Молчание.

Жена твоя Валька двадцать копеек не отдала бы. Шурин, при нашей-то казне подавать! Отец мой говорил: никогда не помогай слабому, он от этого будет только слабее. Сильному надо помогать. Ты слушай, шурин, что я говорю... и запоминай.

Коняев. От самой Москвы, как только мы поехали, ты начал давать мне советы. Хватит!.. Вообще мне не нравится твой тон. Даже в шутку не надо... Здесь этого не поймут.

Потехин. Что же ты сидел всю дорогу и терпел? Надо было раньше сказать, я бы заткнулся. Что еще тебе не нравится?

Коняев. Ты все время говоришь о своих бабах. Это тоже утомляет.

Потехин. Я и о чужих говорю. Какая девочка подседа к нам в Орле! Как ты думаешь, кто из нас ей понравился?

Коняев. Ты.

Потехин. Я светился, как динамо, – она ни разу не отреагировала, просто ни один мускул не дрогнул. Нормальная женщина, в конце концов, начинает реагировать.

Коняев. Устал я от тебя...

Потехин. Ты интеллигент, шурин, вы быстро устаете... А отчего, интересно, ты устал? Дремал на сиденье, я крутил колесо – и ничего не устал... Потому что у меня пролетарская закваска. Знаешь, как маманя отца звала? Моего отца. Тебе Валентина не рассказывала?

Коняев. Шагающий экскаватор.

Потехин. Вот-вот...

Молчание.

Здоровый был Иван Андреевич Потехин. (*Пауза.*) Сгубила его мать... Тянула в Москву из Челябинска. В столице ударила ей кровь в голову, стала она на него больше наседать... В Челябинске отец что-то открывал... командовал комбинатом. В Москве получил трест и пару инфарктов. Сестренка тебе не рассказывала, как он умер?

Коняев. Нет.

Потехин. Мать его иссушила, стал он искать ласку на стороне. И полюбил девушку – не то вахтера, не то пожарницу... простую, деревенскую. Отмечали годовую премию, выехали на пленэр... Он пригубил хорошо – как чувствовал, что в последний раз, – и увлек барышню в чашу... Барышня с ясным синим взором... Я, когда подрос, отыскал ее. Рассказала подробности. Тяжелый, говорит, был... умер с открытыми глазами... Она глоточек отопьет – и деталь, отопьет – и деталь... Отец любил ее... Простой был... Экскаватор, одним словом... Маманя сразу же привела отчима. Иванушка такой, по возрасту – мой старший братец... Это сейчас он растолстел, а раньше был сухой. Вальке она квартиру отдала, а мне батькину машину – лишь бы мы отпустили ее душу... Ладно. Что я нашей семейной хроникой этот чистый эфир засоряю? Расскажи мне, шурин, почему ты со швейцаром за руку поздоровался? У вас, у музыкантов, так принято? Это смур?

Коняев. Швейцар жил в соседнем дворе. Он меня не узнал.

Потехин. Надо было его опохмелить сначала, к нему бы вернулась память. А ты подумал, у него увлажнились глаза от воспоминаний? Ему показалось, ты протянул гривенник вместо руки.

Молчание.

Не нравится мне здесь. На обратном пути объеду твой родной город по объездной. Жарко, пыльно... Водку продают, а прохладительные напитки – нет. Какие-то развалины в центре города.

Коняев. Тут недалеко построили новый стадион. Этот снесут, поставят высотную гостиницу.

Потехин. Высотную? Сюда ожидают толпы туристов? Встречать их будет гостеприимный Паша Хромцов? Напомни, как площадь называется, где мы машину оставили?

Коняев. Пушкинская.

Потехин. Я понимаю, тут родился такой великий скрипач, как ты, но все-таки это нескромно. Площадь Пушкинская!.. Стадион, наверно, был «Динамо»?

Коняев. «Урожай».

Потехин. Что тут выросло, кроме лопухов?

Молчание.

Коняев. Хороший был стадион. Копьеметатель стоял... вон там... гимнастка справа.

Потехин. Волновала, наверно, мужиков гимнасточка?

Коняев (*улыбнулся*). Бедная!.. Ее любила вся местная шпана.

Потехин. А я-то думал: почему он назначил встречу именно здесь?

Молчание.

Что-то не идут твои подруги. (*Пауза.*) Ау! Шу-рин!

Коняев. Что?

Потехин. У тебя начинается солнечный удар?

Коняев. Вспомнил, как стадион открывали.

Потехин. Подруги где?

Коняев. Придут. По дорожкам катили грузовики. В кузовах стояли племенные быки...

Потехин. Племенные?.. Это хорошо.

Коняев. Играл военный оркестр. Колхозницы несли снопы... Флаги трещали от ветра... желто-голубые с золотом... вон там, над главным входом... Там стояли колонны, огромные колонны... Их уже снесли.

Потехин. Риму не снились такие колонны!..

Коняев. Я тогда первый раз увидел живого негра.

Потехин. Его что, тоже в кузове везли?

Коняев. Потом был спортивный праздник. Наш «Урожай» встретился со сборной мира.

Потехин. Я ослышался или у меня наркоз? Какая сборная?

Коняев. Сборная цирков мира. (*Пауза.*) Такая странная команда приехала, я помню. (*Усмехнулся.*) Веселый был тогда отрезок времени... Негр стоял в воротах, у наших центра нападения играл Паша Хромцов. Тот самый. Смертельный удар правой, на ногу повязку носил... Циркачи блистали индивидуально.

Потехин. Наши налегали на коллективизм?

Коняев. Правильно.

Потехин. Паша корректен, бьет только левой...

Коняев. Откуда ты это знаешь?

Потехин. Не трудно догадаться. Ну дальше, дальше...

Коняев. Негр брал все мячи. Последняя минута, ноль-ноль, циркачам пенальти. (*Засмеялся.*) Что тут было! Трибуны стонали: «Паша, ударь правой!» Паша разбегаются...

Потехин. И бьет левой?

Коняев. Да! Паша ударил левой!

Потехин. Забил?

Коняев. Негр взял. Но Паша ударил левой!

Потехин. Победила дружба.

Молчание.

Грандиозные лопухи здесь растут. Никогда таких не видел. Вы что, их тут скрещивали с чем-нибудь? Какой-то местный Мичурин старался?

Коняев. Земля тут хорошая, чернозем.

Потехин (*видя, что его спутник все больше погружается в воспоминания, достает походную электробритву*). Что же это за время такое? Рассказывай, шурин, у тебя приятный баритон... Когда это было?

Коняев. В конце пятидесятых. Мне исполнилось тогда десять лет.

Потехин. Ты такой старый? Я думал, тебе тридцати нет.

Коняев молчит. Тихо жужжит бритва.

Ну где же твои подруги? Кстати, если им придется раздеваться, как они это сделают здесь?

Коняев. Зачем им раздеваться?

Потехин. Заехали бы к твоей тетке. Тихо, интимно. Утром двинули бы дальше. Она живет далеко отсюда?

Коняев. В новом районе. Нам не по дороге.

Потехин. Давай заедем. Мне надо выспаться по-человечески. Пятьсот километров все-таки... Возьмем харчишко на дорогу.

Коняев. Не надо. Так будет лучше. *(Пауза.)* Опоздаем в Симферополь... Она одна, с ней тоже надо побыть.

Потехин. Дело твое. Только не забывай, зачем мы сюда приехали!.. Все, не смотри больше на гимнасточку.

Молчание.

Коняев. Видишь ту крышу? Вправо от колокольни. Там жила девушка, в которую я был безумно влюблен. Мила Клёнышева... Клё-ны-ше-ва.

Потехин. Ей звонил из ресторана?

Коняев. Что ты улыбаешься?

Потехин. Лицо у тебя было, видела бы Валентина!

Коняев. Я разговаривал с Мадлен, подруга детства с соседней улицы.

Потехин. Давай, давай, старина! Тебе надо выговориться. Я понимаю: нахлынуло, забродило... вспомнил первый поцелуй... Наверно, сюда таскал девушек? Куда же еще! Конечно сюда... Вам было легче. Мои считают спортивные сооружения плохим тоном. Отдаться в машине – это еще куда ни шло... Давай, про Мадлен. Как ее настоящее имя?

Коняев. Мадлен.

Потехин. Прости, я забыл: девушки здесь ведь не то что в соседних областях! Я думаю, и Париж могут придержать при желании. В провинции любят давать звучные имена. На первом курсе кинули нас в район на уборку овощей, там была методист Дома культуры, женщина по имени Руина. Представь: днем картофель, ночью... Извини, шурин. Так что же тебе ответила Мадлен?

Коняев. Обещала привести остальных.

Потехин. Сколько вы не виделись?

Коняев. Я уехал отсюда... пятнадцать лет назад.

Потехин. Ты не спросил, какие у них размеры?.. Что ты смотришь? Подруги могли растолстеть или вырасти... Они нас найдут на этом пустыре?

Коняев. Найдут.

Потехин. Сразу приступай к делу. Кому что подойдет, пусть берут, полчаса на воспоминания – и ходу. К ночи надо добраться до приличной гостиницы. Ты предупредил, чтобы они захватили деньги?

Коняев. Размеры, деньги!.. Сказал – встретимся, поговорим...

Потехин. До Черного моря тысяча километров, а мы будем сидеть на жаре и разговаривать?

Коняев. А что я должен был сказать?

Потехин. Все как есть на самом деле: еду с родственником на юг, могу предложить... Что там тебе Валька наложила?

Молчание.

Коняев. Она обещала... ты мне поможешь...

Потехин. Причем здесь я?

Коняев. Тебе будет легче, ты их не знаешь... Мне не очень удобно.

Потехин. А чего неудобного? Смычки, конский волос... черт его знает... канифоль вы там друг другу продаете? Одежда для женщин – та же канифоль, они тебе спасибо скажут...

Коняев. Я этим заниматься не буду.

Потехин. Какой благородный шуринок мне достался! Вот за что тебя Валентина любит. После нашей семейки ты для нее – зефир в шоколаде. Ладно, у меня нет консерваторского образования. Предупреждаю, я тоже за прилавком не стоял, так что – как получится.

Коняев (*с облегчением*). Значит, ты возьмешь это на себя?

Потехин. Возьму, возьму. Какова моя корысть?

Коняев. Мне все равно, разбирайтесь с Валентиной. (*Достал лист бумаги.*) Вот она мне здесь написала, сколько что стоит.

Потехин (*взял листок, весело*). Сестренка в мать, своего не упустит. Ладно, деньги – грязь, а грязь к нам не пристаёт. (*Неожиданно.*) Посмотри-ка туда?

По футбольному полю медленно идет Подрезова.

Ты ее знаешь?

Коняев. Подожди, я не вижу...

Потехин. К нам, она нас заметила.

Коняев. Что? Не знаю... кажется, Подрезова...

Шура Подрезова подошла, остановилась у подножия трибуны.

Подрезова. Вадик! Это ведь ты там?

Молчание.

Коняев (*спустился вниз*). Шура Подрезова!

Подрезова. А я тебя еще издали узнала. Давай хоть руку пожму, раз целоваться не хочешь.

Коняев (*целует ее*). Здравствуй, Шурочка!..

Подрезова. Я как раз стирку затеяла. Только наволочки поставила кипятить – Мадлен прибежала. Иди, говорит, Вадька Коняев на стадионе сидит. Пойду, думаю, посмотрю на него.

Молчание.

Совсем не изменился... Как это ты про меня вспомнил?

Коняев. Видишь, не забыл...

Подрезова (*смущенно*). Кто я такая, чтобы меня помнить! (*Пауза.*) Наслышаны про твои успехи.

Коняев. Какие успехи?

Подрезова. Не скромничай. Очень рады за тебя, Вадик. Молодец, что родину не забываешь... Ну как ты? Расскажи.

Коняев. Живу...

Подрезова. Я тетю Валю иногда встречаю. Ваш дом снесли – это ты знаешь, комнату ей дали, как раз через дорогу от моей проходной. Пока стоим за молоком, она мне все про тебя расскажет. Так что наслышаны. Молодец!.. Женится. Тетя Валя говорила: красавица. Красивая?

Коняев. Ничего.

Подрезова. Ладно, не прибедряйся.

Коняев. Ты... тоже... прекрасно выглядишь.

Подрезова. Брось. Так это по-быстрому себя в порядок привела. Ребенок у меня, девочка. Анжелой зовут. Угадай от кого. (*Пауза.*) Ну!.. Не угадаешь, ни за что!

Коняев. Не знаю.

Подрезова. Восемь лет замужем. Помнишь Цурика? Ну кличка его была такая... Не помнишь? Вообще-то он Шурик, как и я.

Коняев. Конечно, помню! Цурик! Жил на улице Володарского.

Подрезова. Точно. Теперь он из ЛТП не выходит. Лечебно-трудоустройственной профилакторий. Туда алкашей направляют. С нашей улицы многие там перебивали. Толик Локтионов... Ленка Селиверстов... Брат его в Монголии служит. Они напротив партшколы жили. Женился на этой... ну как ее?... Дом рядом с колонкой. Внизу инвалиды коробки делали. Из головы выскочило...

Коняев. Неважно.

Подрезова. Витя Иванов недавно отца похоронил, приезжал из Африки... Черный стал, загорелый, я имею в виду. Мать здесь осталась. Он ее туда не может взять. Я к ней захожу, помогаю. Витька хотел мне денег оставить – я ему чуть морду не набила... Позавчера с вечерней смены шла и тетю Валю встретила: прогуливается с палочкой... Старенькая стала... Всегда поздороуется. Я ее спрашиваю: «Скоро ли Вадика будут по телевизору показывать?» Так-то мы музыку не смотрим, если когда попадется, я сразу всех скрипачей пересматриваю. Потом думаю: да-а! станет он вам в оркестре сидеть! Вадка наш – солист!

Молчание.

Муж мой... этот вот Цурик, он вообще-то на автобазе работает... У нас здесь все одно и то же... А ты надолго приехал?

Коняев. Я... проездом... на машине.

Подрезова. Уже и машину купил?

Коняев. Родственника машина... Мы вдвоем.

Подрезова. Без жен, значит?

Коняев. Жена в Москве... у нее работа... А я с ребенком на юг... ее туда поездом привезут. Тоже девочка... Это вот брат жены. (*Зовет.*) Олег! Что ты там сидишь? Спускайся сюда.

Потехин. Нет, уж лучше вы поднимайтесь. Вадик, как зовут подругу?

Подрезова. Зовут меня Шура.

Потехин. Поднимайтесь, Шура, поднимайтесь. А я вам за это что-то покажу.

Подрезова. Наволочки там мои выкипят все. (*Поднимается наверх.*) Вообще-то положено мужчине первому подходить.

Коняев. Знакомься, Шура. Это Олег.

Крепкое рукопожатие.

Подрезова. Молодой, а уже избалованный. Скромный или неуверенный специально сильно руку жмет, а этот себе цену знает: мол, пожимай сама.

Потехин. Судя по пожатию, в материальном производстве себя применяете?

Подрезова. Наладчица.

Потехин. Что налаживаем, если не секрет?

Подрезова. Есть такие прядильно-камвольные линии.

Потехин. Зарплатой не обижены?

Подрезова. Хватает.

Потехин. Понятно, понятно...

Молчание.

Говорите, не обижены зарплатой?... Разряд, наверное, имеее высокий? Вы только не напрягайтесь...

Подрезова. В каком смысле?

Потехин. Расслабишься – оно и для организма полезнее... У нас тут... вернее у меня... (*Коняеву.*) Язык присыхает, шурин. Ну что молчишь? Твоя подруга – не моя. (*Решительно.*) Шура, можно вам подобрать что-нибудь... обувь, например? У вас какой размер ноги?

Подрезова (*удивлена*). Вадик, это у него от солнца? Сорви ему лопух, пусть прикроет голову.

Потехин (*измучен*). Размер какой? Не томите, Шура.

Подрезова. Быстрый слишком! Сначала ему про ногу все расскажи...

Потехин. А что про нее рассказывать! Я и так вижу: нога не маленькая. Присаживайтесь, гражданка.

Подрезова. Спасибо. (*Неожиданно хохотнула.*) Застрелиться можно!

Потехин. Вадик, иди покури... Ты будешь нам мешать.

Раскрывает сумку. Извлекает перед Подрезовой платя, одно за другим.

Коняев. Дай сигарету.

Потехин. Ты же не куришь... Возьми у меня в куртке. И мне дай... И огонька. Что у тебя с руками? (*Засмеялся.*) Чего они дрожат? У меня тоже дух захватило.

Подрезова. Я думала, действительно шутка.

Потехин. Иди, старичок... шагай в тенек. Сейчас, Шура, я вам кое-что покажу.

Подрезова. Вадик, правда, можно посмотреть?

Коняев (*жалко улыбаясь*). Смотри.

Отошел в сторону. Сел.

Потехин. А почему же нельзя? Ну-ка взгляните сюда. А-а?! Захватило душок? Вот он где, шарман-то, зарыт. Это еще полбеды. Вот где ваша погибель, Шурочка. Вот он пух... цветок одуванчик. Потрогать захотелось? Потрогайте. Боюсь только, это не на ваши ножки, скорее, на ручки налезет.

Подрезова. Так я своим девочкам возьму. В цеху сразу расхватывают.

Потехин. Это мелочи, это мы потом... Вот он, Париж! Смотрите, пуговицы куда спрятаны, век искать будешь – не отыщешь! Что же они делают, французы?! Ведь измучаешься, пока распечатаешь. А мы гадаем, отчего рождаемость падает... К этому костюму полагаются коробочка духов. Ну-ка, втяните воздух. А-а?! А как вы думаете, одежда французская, а запах наш? В моде важен ансамбль, единство стиля... Смотрите, что с поясом делается... пряжечка – она вам в темное время дорогу освещать будет. Как у вас тут с освещением улиц?

Подрезова. Нормально.

Потехин. Сюда полагается бритвенный набор «Жиллет».

Подрезова. А что, у них женщины бреются уже?

Потехин. Бритва спутнику. Вы в этом платье, он гладко выбрит английским прибором.

Подрезова. У меня денег с собой нет... Я рядом живу. Только померить должна. Можно?

Потехин. А почему же нет?

Подрезова. Не знаю даже, что взять... Олег, какой, вы считаете, мой цвет? Недавно себя перекисью сожгла, на самом деле я каштановая.

Потехин. Вам подойдет и то и другое. (*Коняеву, сидящему в отдалении.*) Вадик, что за свертки?

Коняев. Пусть лежат, не трогай.

Потехин. Булькает что-то...

Коняев. Это лекарство... тете... Положи на место.

Подрезова. Ты к ней не заходил, Вадик?

Потехин. Мы же только что приехали... Тут еще харчишко, да, старина? Шура, может быть, отнесете по адресу? Скажете, была в Москве, Вадим просил передать... Мы ведь скоро дальше поедем.

Подрезова. Вадик, ты что, к ней не зайдешь?

Молчание.

Если надо... я могу, конечно... вечером съездить.

Потехин. Потом об этом. Идите меряйте.

Подрезова. Вон Самохвалова в дырку лезет, и Семенихина с ней. Обратите внимание, Олег, они с первого класса дружат. Как их вдвоем за одну парту посадили, с тех пор не расстаются. Сколько уже длится их дружба, если подсчитать... двадцать пять лет. Четверть века.

С платьем в руках направляется за трибуну.

Потехин (*подходит к Коняеву*). А ты волновался! Сейчас, шурин, я заработаю тебе столько, сколько ты за год не наиграешь! Тряхнем провинцию. Пусть девчата вспарывают матрасы! Действуем по тому же методу: ты встречаешь их внизу, я жду наверху.

Коняев. Убери... это все. Что ты разложил, как на толчке? Ты слишком много говоришь! Зайду я или не зайду, не тебе решать!

Потехин. Ты же решил!

Коняев. Без меня не рассчитывайся с ними.

Молчание.

Потехин. А вот тут я могу и обидеться. Я здесь распинаюсь, толкаю шмотки для тебя и твоей жены... (*Тяжело.*) Хорошо... шурин... шурик... У нас впереди еще много времени – обсудим и это.

Коняев. Знаешь... давай закончим лучше.

Потехин. Да? Нет уж, поехали дальше.

По полю идут Наташа Самохвалова и Вера Семенихина.

Та-ак! Что мы здесь имеем?.. Одинакового росточка, сорок четыре – сорок шесть... под руку держатся, боятся заблудиться в лопушках. Замахали ручонками, заторопились. Иди, иди, а я им пока подберу что-нибудь. Как только я начну грабить Подрезову, я тебя покличу.

Самохвалова и Семенихина *остановились внизу. Ждут. Коняев спустился.*

Самохвалова. Парень, выглядишь ты – потрясающе!

Семенихина. Постарел, парень... постарел... Есть и волос седой...

Самохвалова. Ничего не постарел. Не порть человеку настроение. Восторг какой-то, а не парень!

Семенихина. Седой уже.

Самохвалова. Что ты заладила: седой да седой! Где ты нашла волос этот?

Семенихина. Сама не видишь, что ли?

Самохвалова. Я не слепая. Вадик, я хоть тебе пожалуюсь: она во всем отмечает только плохое. Сегодня погода, сам видишь, какая – ни одного облачка. Только встретились, как будто ее мешком по голове ударили: завтра будет дождь, завтра будет дождь...

Семенихина. Будет. Я по облакам вижу.

Самохвалова. Где они, эти облака?

Семенихина. Я вижу.

Самохвалова. Ну завтра и будешь горевать. Сегодня хотя бы раз улыбнулась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.